

ский) взгляд на поэта — как на вдохновенного певца-демиурга, словом творящего и преобразующего мир.

Подобный титанический образ появится у Державина уже в XIX в., когда он будет в отставке и почувствует себя свободным от тех пут, о которых шла речь во втором послании Храповицкому:

Трубит — и глас его несется
С Невы до Лены берегов.
Летит — и дол под ним смеется,
Как эхом тысячи громов.
Пятою черны бездны давит,
Челом касается звезд;
Дивит кого, страшит иль славит, —
Комета, метеор векам.
Возносит персть — богов к престолу
И вержет истуканов долу.

Тромпетин, Арфин или Лирин,
Кто сей столь дерзостный певец?
Как молния, полет эфирен,
Как буря, — света по конец.
Как водопад, с горы крутыя
Низвергшись, вдалеке ревет,
Как ключ из челюсти земныя,
Сверкая, в воздух блестя льет.
Всяк, внемля, зря его, дивится,
Восторжен, очарован зрится. . .

Впрочем, и в конце жизни, строя на идее вдохновения (и при этом вдохновения или наития резко индивидуального и индивидуализированного) «Рассуждение о лирической поэзии», Державин сохраняет прежнюю трезвость. Об этом свидетельствует написанное специально для «Рассуждения» восьмистишие о поэзии:

Отлив от творческого духа,
Спечаток с мудрости лучей,
Ума согласье, ока, слуха,
Эмпирной сладости ручей,
Поэзия, глагол небесный!
Коль плоти бы органы тесны
Могли издать твой полный строй, —
Я б создал новый мир тобой.

Подводя итоги всему изложенному, можно сказать, что из возможных в XVIII в. позиций — сервильный стихотворец, поэт-гражданин, поэт-дилетант, вдохновенный певец-демиург — Державин решительно отвергает сервильную поэзию, пытаясь поначалу сочетать позицию поэта-гражданина с позой дилетанта. В дальнейшем, на новом этапе вдохновенный певец органично сочетается с поэтом-гражданином, глашатаем истины, правды. В этой эволюции и в этой сложности — специфика поэтической позиции Державина как в 70—80-е гг. XVIII в., так и в конце поэтического пути.

В заключение надо сказать, что проблема литературного сервильизма, дилетантизма, творческой независимости в преобразованном виде стояла и перед литературой первой трети XIX в.